

Самовосприятие политкаторжан на основе мемуаров (1870-1907)

Научный руководитель – Барабанова Мария Андреевна

Ермосова Ульяна Евгеньевна

Студент (магистр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Исторический факультет, Москва, Россия
E-mail: uermosova@inbox.ru

Во второй половине XIX века вследствие расширения численного и социального состава революционного движения растет и число осужденных по политическим статьям и приговоренных к отбыванию наказания на каторге. Ситуация каторжного заключения представляет особый интерес с точки зрения влияния этого заключения на личность, осознание ей изменившихся условий существования. Важно отметить, что политические каторжане существовали в принципиально иных условиях содержания, нежели уголовные заключенные. Одним из важных условий их заключения являлась максимальная изолированность от «внешнего мира», за соблюдением которой строго следила тюремная администрация. Таким образом, политические заключенные оказывались окружены особым аппаратом наблюдения [2], а конкретно, администрацией тюрьмы, что также оказывало на них психологическое давление.

Оказавшись в неволе в тяжелых каторжных условиях, естественной реакцией человека было бы стремление выйти на свободу, не ухудшив при этом условия своего существования в заключении. Однако, в подобной ситуации революционеры, заключенные на огромные сроки (вплоть до бессрочной каторги), все равно продолжают свою борьбу, организуя протесты, что очень часто ведет либо к физической расправе над ними, либо к ужесточению мер по их содержанию. Определенно, первопричина сохранения их революционности лежит в понимании ими своего места в новых сложившихся обстоятельствах. Лексика, используемая при этом политкаторжанами в своих воспоминаниях, позволяет проследить восприятие ими условий заключения и их роли в этих условиях.

Вследствие прекращения активной деятельности на воле и довольно большие сроки заключения, рождалось восприятие каторги как «гроба», обусловленное бездействием и ощущением того, что путь к месту заключения – это путь в один конец и обратно к вольной жизни революционер вряд ли вернется. Пребывание на каторге воспринималось как «гниение заживо» [Богданович, 1927, С. 81], а сама каторга и камеры в ней как «гробницы» [Ивановская, 1923, С. 170]: «Так живем бездумно и бессмысленно изо дня в день. “Привыкла собака бегать за возом, побежит и за санями”» [Ивановская, 1927. С. 141], – вспоминала народоволка, потом эсерка П. Ивановская. Наиболее тяжелым было сознание того, что деятельность твоя прекращена, и царившее на каторге однообразие впечатлений. «Посадить навсегда живым и одиноким в гробницу человека, у которого все жизненные интересы лишь были в общественной и революционной деятельности, то же самое, как не давать ему ни пить, ни есть, и он естественно увянет» [Морозов, 1965, С. 437], – в данном случае, приравнивая пищу и воду к участию в общественной жизни для революционера, Морозов подчеркивает, что лишиться ее подобно смерти. Поэтому мемуарист именно в изоляции находит основную причину восприятия каторги как гробницы, а не в тяжелых условиях быта. Также это должно следовать и из самого представления революционеров о себе как об активных борцах, смысл жизни которых заключается именно в отстаивании идеалов и приближении «часа светлого будущего». В свою очередь, прекращение деятельности, направленной на достижение их идеалов было равносильно смерти: «просто

самый процесс жизни, который в тюрьме до того искажен и изуродован, что и за жизнью считаться не может. . . » [Спиридонова, 1927, С. 12], – пишет осужденная на бессрочную каторгу М. Спиридонова. Кроме того, использование такой лексики при описании каторги как «гробницы» и «могилы», а также прямое с ними сравнение: «и опять все тихо, как в могиле» [Якубович, 1896, С. 12], – говорит о восприятии каторжанами места своего заключения как «мира мертвых». Таким образом, формально живой, он оказывается в фактической могиле. Наиболее точно это восприятие передает В.Н. Фигнер, которая при описании каторги использует словосочетание «живая могила» [Фигнер, 1922, С. 6].

Однако ощущение себя как «заживо погребенных» (данный термин преимущественно использовался по отношению к узникам Шлиссельбургской крепости) не приводило их к пассивному принятию ситуации и отказу от революционных идеалов. Так, несмотря на гнетущее давление каторги, революционеры все еще живы, а значит, продолжают борьбу. Этому способствовало нашедшее отражение в мемуарах осознание себя как «пленника». Именно этот аспект самовосприятия подталкивал их на борьбу даже в изменившихся жизненных условиях. Любопытно, что таким образом их борьба с правительством становится сродни войне. Неоднократно авторы вместо заключения, тюрьмы, каторги используют слово «плен»: «правительство не смело издеваться над *пленными* [курсив мой – У.Е.] революционерами» [Осипович, 1926, С. 138], «мы были *пленниками* [курсив мой – У.Е.]» [Шишко, 1918, С. 175]. Иными словами, они воспринимают себя вырванными из привычного им общества, взятыми в «плен» врагом. Именно этот аспект самовосприятия позволяет им в, казалось бы, безвыходной ситуации изоляции, во-первых, чувствовать свою сопричастность общей революционной борьбе, во-вторых, продолжать её, не отрекаясь от своих идеалов, даже оставаясь в «гробнице», из которой нет выхода.

Таким образом, революционер, благодаря особому самовосприятию, может противопоставить правительству активные и пассивные формы протеста, которые были часты на политической каторге.

Источники и литература

- 1) Богданович Ф. После побега // Кара и другие тюрьмы Нерчинской каторги. М., 1927. С. 73–91.
- 2) Дунаева И. Карательные практики и гендерная утопия (по материалам журнала «Каторга и ссылка») // Гендерные истории Восточной Европы: [сборник научных статей]. Минск, 2002. С. 310–323.
- 3) Ивановская П.С. Страничка из истории каторги // Каторга и ссылка. 1923. №5. С. 170–179.
- 4) Ивановская П.С. Письма о прошлом (из жизни Акатуя 1890) // Кара и другие тюрьмы Нерчинской каторги. М., 1927. С. 138–150.
- 5) Морозов Н.А. Повести моей жизни. Т.2. М., 1965.
- 6) Осипович Н.М. Сергей Иванович Мартыновский // Кандальный звон. 1926. №5. С. 132–139.
- 7) Спиридонова М.А. Из воспоминаний о Нерчинской каторге // Кара и другие тюрьмы Нерчинской каторги. М., 1927.
- 8) Фигнер В. Н. Запечатленный труд. Ч. 2: Когда часы жизни остановились. М., 1922.
- 9) Шишко Л.Э. Из воспоминаний прошлого. Собр. Соч. Т. 4. Пг. 1918.
- 10) Якубович П.Ф. В мире отверженных: записки бывшего каторжника / Л. Мельшин [псевд.]. Т.1. СПб., 1896.